

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Институт психологии Российской академии наук ведет работу по созданию банка данных «Персоналии психологов Российской Федерации». Цель создания банка данных состоит в том, чтобы не только улучшить обмен информацией между отечественными психологами, но и подготовить справочник «Кто есть кто», который предполагается перевести на английский язык. Участие в справочнике позволит Вам установить деловые контакты и с зарубежными учеными, в частности с психологами США.

После создания банка персоналий Вы можете стать его пользователем и получать оперативную информацию по интересующим Вас проблемам в приоритетном порядке.

Заполненную (на машинке) анкету просим Вас выслать по адресу:
129366, Москва И-366, ул. Ярославская, 13, ИП РАН. Артемьевой Тамаре Ивановне.
Тел. для справок: 282-51-29.

АНКЕТА БАНКА ПЕРСОНАЛИЙ

1. Фамилия _____
- Имя, Отчество _____
2. Год рождения _____
3. Ученая степень _____
4. Ученое звание _____
5. Место работы (название организации, учреждения, вуза, НИИ) _____
6. Название подразделения (отдел, лаборатория, кафедра и т. д.) _____
7. Занимаемая должность _____
8. Служебный адрес (с почт. индексом) _____
9. Домашний адрес (с почт. индексом) _____
10. Телефоны: служебный _____ домашний _____
11. Какой вуз Вы окончили (название, факультет, год окончания) _____
12. Специальность по диплому _____
13. Ваша специализация по исследовательским проблемам _____
14. Участие в разработке методик (название новых тестов, методик и т. д.) _____
15. Общее количество научных публикаций _____ В т. ч. за рубежом _____
16. Наиболее значимые опубликованные Вами работы (не более 3-х, с выходными данными) _____

(личная подпись)

« _____ » _____ 199 ____ г.
(дата заполнения)

Воспоминания, размышления, беседы

Наш собеседник — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Екатерина Васильевна Шорохова. Родилась 10 июля 1922 г. в селе Березовка Еланского района Волгоградской области в крестьянской семье. После окончания с отличием средней школы в 1940 г. поступила на философский факультет Ленинградского государственного университета. В 1941 г. война на два года прервала учебу. В это время работала на оборонных работах под Сталинградом, в колхозе, учительницей в начальной школе. В 1947 г. окончила Ленинградский государственный университет (психологическое отделение философского факультета). Профессиональный «послужной список» начался с должности старшего лаборанта в секторе психологии Института философии Академии наук СССР. В этом Институте была аспиранткой. В 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию «Материалистическое учение И. П. Павлова о сигнальных системах». С 1951 по 1960 г. занимала должности младшего научного сотрудника, ученого секретаря Института, старшего научного сотрудника Института философии. 1960—1972 гг. — заведующая сектором философских проблем психологии того же Института. В 1962 г. защитила докторскую диссертацию «Проблема сознания в философии и естествознании». В 1963 г. присвоено звание профессора. 1972—1988 г. — заместитель директора по научной работе Института психологии АН СССР, заведующая секторами философских проблем психологии, социальной психологии.

В течение ряда лет Е. В. Шорохова работала (по совместительству) на кафедре философии естественных факультетов МГУ, преподавала психологию на психологическом отделении МГУ, в Академии МВД СССР. С 1988 г. по настоящее время — главный научный сотрудник лаборатории психологии малых групп Института психологии РАН.

Основные направления ее научно-исследовательской работы — философские проблемы психологии, социальная психология, психология сознания, психология личности, история психологии.

Под руководством Е. В. Шороховой защищено 26 кандидатских диссертаций, проконсультировано две докторские диссертации.

Е. В. Шорохова имеет около 200 научных трудов. Ею изданы три монографии: «Материалистическое учение И. П. Павлова о сигнальных системах» (1955), «Проблема сознания в философии и естествознании» (1961), «Особенности психологии крестьянства» (1983) (в соавторстве).

Как ответственный редактор и соредaktor Е. В. Шорохова участвовала в издании более 60 научных трудов. Вот только некоторые из них: «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1969), «Теоретические проблемы психологии личности» (1974), «Методологические проблемы социальной психологии» (1975), «Методология и методы социальной психологии» (1977), «Социальная психология личности» (1979), «Социальная психология и общественная практика», «Совместная деятельность: методология, теория, практика» (1988), и др.

За научные работы дважды награждалась медалями ВДНХ. Имеет правительственные награды — два ордена «Знак почета» и семь медалей, в том числе одну болгарскую. В 1985 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

© 1992 г. **Е. В. ШОРОХОВА:**
«ПСИХОЛОГИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ГЛАВНОЙ НАУКОЙ ЖИЗНИ...»

— Екатерина Васильевна, вы являетесь одним из первых выпускников отделения психологии Ленинградского государственного университета. Расскажите об этом периоде, а также о том, как пришли в психологию, кто повлиял на выбор профессии, об Б. Г. Ананьеве, возглавлявшем отделение психологии ЛГУ, его роли в развитии отечественной психологии, общей обстановке того периода.

— Родилась я в небольшом селе в крестьянской семье. Родители мои имели один-два класса начального образования. Мне повезло больше. Я окончила начальную школу в своей деревне, а потом десятилетку в соседнем селе (ходила в школу за пять километров, в любую погоду в течение шести лет). Преподавателями у нас были выпускники Сталинградского педагогического института — квалифицированные специалисты, хорошие воспитатели. Большое влияние на меня оказала учительница литературы Валентина Григорьевна Пасько, благодаря которой у меня выработался устойчивый интерес к литературе. Я даже пробовала себя в поэзии, участвовала в работе литературного кружка, редактировала рукописный школьный журнал.

Окончив школу с аттестатом отличницы, я пробовала поступить на филологическое отделение Московского института истории, философии и литературы. Попытка оказалась неудачной: я не вошла в квоту абитуриентов, принимаемых без вступительных экзаменов. Документы из МИФЛИ мне возвратили за несколько дней до 1 сентября. И тут мне помог случай. Накануне в «Правде» я прочитала сообщение о том, что в Ленинградский университет продолжается прием на экономический и философский факультеты. Посоветовавшись с учителями, послала документы на философский факультет ЛГУ. Выбор определялся тем, что философия ближе к литературе, чем политэкономия. Кроме того, я намеревалась при первой же возможности перевестись на филологический факультет. Тут и «сработал» аттестат: я стала студенткой философского факультета ЛГУ. Разумеется, никакой специальной подготовки у меня не было. О философии знала понаслышке. Читала запоем все, что поступало в библиотеку и имелось у знакомых, прежде всего у учителей. Это чтение было всепоглощающим, но

бессистемным. Среди прочитанных книг случайными были философские — французских энциклопедистов, русских революционных демократов.

Началась интересная студенческая жизнь. Когда в конце первого полугодия обучения появилась возможность поменять факультет, я уже не захотела этого делать. Меня увлекло обучение широкому кругу дисциплин естественнонаучного (физика, химия, математика, биология, физиология) и общественно-исторического (гражданская история разных периодов, археология, история литературы разных стран) цикла. И освоить все это оказалось возможным, поскольку подготовлена я была, как выяснилось вскоре, не хуже выпускников ленинградских школ. Занятия по истории философии, с которых начиналась специальная философская подготовка, захватили своей новизной, глубиной и основательностью. Открывался новый удивительный мир познания.

Вынужденно прерванный войной процесс моего философского образования был восстановлен через два года. Ленинградский университет находился в то время в Саратове. В 1944 г. Университет вернулся на берега Невы. Этот год стал для меня началом нового этапа образования, жизни. На философском факультете открылось психологическое отделение. Сразу набрали для него студентов на три первых курса. Не колеблясь, осознанно я выбрала это отделение и сразу стала третьекурсницей. На третьем курсе помимо меня оказались также Л. М. Веккер, Н. В. Яшкова и А. С. Слейшка. Мы четверо и стали первыми психологами, получившими университетское специальное образование — в 1947 г. (первый выпуск психологов Московского университета был годом позже, в 1948 г.). С этого времени я начала формироваться как психолог. Первый мой учитель — Борис Герасимович Ананьев, организатор и руководитель психологического отделения философского факультета ЛГУ. Он был широко эрудированным человеком, прекрасно знал состояние психологической науки, отличался большой культурой, имел богатейший исследовательский опыт в разных разделах психологии. Блестящий лектор и оратор. Основное направление его научно-исследовательской деятельности заключалось в разработке идеи о значении психологии в становлении и развитии научного человекознания. Это было раскрытие реальной функции комплексного подхода. Одним из первых он обосновал положение о связующей роли психологии в системе естественных, общественных и технических наук. Генеральный замысел Бориса Герасимовича — создание научного человекознания — реализован при разработке проблем психологии чувственного познания, создании фундаментального труда «Человек как предмет познания». Ему принадлежат первая диссертация и монография по истории русской психологии.

Общий подъем в развитии психологии в те годы ощущался в атмосфере психологического отделения. Формировалось одно из крупных психологических учреждений в нашей стране, создавалась новая научная школа. Психологическое отделение было укомплектовано ведущими психологами Ленинграда. Там преподавали В. Н. Мясищев, А. А. Люблинская, Г. С. Рогинский, Ю. А. Самарин, А. В. Ярмоленко. С докладами и лекциями выступали С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, М. А. Мазманян, А. С. Прангишвили. Проводились научные конференции. Атмосферу на отделении характеризовало особо бережное отношение к молодежи. Студенты выступали с докладами на конференциях наряду с профессорами. Помню, как мне поручили в связи с юбилеем К. Д. Ушинского выступить с докладом «Значение идей К. Д. Ушинского о роли труда в формировании психики». Наш курс оказался в исключительном положении — мы были первыми и нас было мало. Нам четверым читались лекции, с нами проводились занятия в Институте мозга, Психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева, Институте физиологии им. И. П. Павлова, на биофаке ЛГУ и т. д. У студентов формировался интерес к научной работе. В эти же годы в нашем университете было создано научное студенческое общество, первым председателем которого стал Борис Герасимович, а мы с Л. М. Веккером входили в состав бюро Совета этого общества.

На первых порах на отделении исследовались закономерности формирования ощущений, восприятий и представлений. Под руководством Б. Г. Ананьева я выполнила и защитила дипломную работу «Роль деятельности в формировании вторичных образов». Было показано дифференцированное влияние на формирование зрительных образов цели деятельности, ее продукта и средств выполнения. Борис Герасимович всегда четко формулировал задачу, определяя смысл предстоящего исследования в общем замысле комплексного, изучения темы всем коллективом. Прививал вкус к экспериментальным исследованиям, инициировал развитие творческих поисков, находок в методике, сочетание лабораторных и полевых разработок. Способствовал развитию у нас навыков теоретической работы.

— В конце 40-х годов вы переехали в Москву и стали работать под руководством С. Л. Рубинштейна в секторе психологии Института философии АН СССР. Расскажите, как это произошло, а также о вашей совместной работе с С. Л. Рубинштейном и о нем самом.

— Закончив ЛГУ с красным дипломом преподавателя психологии, я переехала в Москву (вышла замуж, мужа перевели работать в столицу): стала лаборанткой в Институте философии АН СССР. В нем суждено было проработать мне 25 лет.

В 1945 г. С. Л. Рубинштейн организовал в нем сектор психологии. Помню, как Сергей Леонидович пригласил меня для беседы на психологическое отделение МГУ, которым он заведовал. На встрече оказались Б. М. Теплов и А. Н. Леонтьев, которых, не знаю почему, Сергей Леонидович познакомил с текстом моей дипломной работы. Их, вероятно, заинтересовал феномен психолога, первым только что получившего психологическое образование. Как показал затем разговор, что-то их привлекло и в самой работе. Для меня это была, по существу, вторая защита. Сергей Леонидович тогда же сказал, что он берет меня на работу в сектор психологии Института философии на должность лаборанта. Другой свободной ставки в то время не было, да я была без памяти рада и этому.

Сектор психологии Института философии АН СССР состоял из таких известных ученых, как С. В. Кравков, Н. А. Гарбузов, Н. Н. Ладыгина-Котс, А. Г. Комм, Д. И. Красильщикова, Л. И. Селецкая, А. Я. Маркова, Г. К. Гуртовой, Ф. Н. Шемякин, Л. А. Шифман, А. Г. Спиркин, М. Г. Ярошевский. По совместительству в секторе работали Б. Г. Ананьев и Б. М. Теплов.

Будучи первым психологическим учреждением в составе Академии наук СССР, сектор формировался как учреждение широкого профиля, прообраз будущего Института психологии. Кстати, в мои обязанности лаборанта входили некоторые виды работ, связанные с проектированием и строительством пятого этажа здания Института философии, предназначавшегося тогда для будущего Института психологии. Были запланированы и построены экспериментальные камеры для психологических наблюдений. (Но Институт был организован лишь четверть века спустя и в другом месте.)

13 лет работы из 25 в Институте философии я так или иначе соприкасалась с С. Л. Рубинштейном. Этот период был сложным для психологии, для сектора и для самого Сергея Леонидовича. В 1947 г. состоялось обсуждение 2-го издания его книги «Основы общей психологии». Об этом достаточно много рассказано. Его обвинили в космополитизме, в отходе от марксистских положений, в частности в неверном понимании принципа детерминизма (формулировании положения о двойной детерминации психических явлений), и др. Прошедшая в 1947 г. дискуссия по философии в связи с обсуждением книги Г. Ф. Александрова по истории западноевропейской философии обострила интерес и критический настрой к философским вопросам естествознания. Досталось и психологии. Сессия ВАСХ-НИЛ, посвященная обсуждению положения в биологической науке (1948), затрагивала, хотя и косвенно, ряд психологических проблем — об отношении организма и среды, а опосредованно — о соотношении биологического и социального. Обсуждение проблем языкознания (1950) тоже было в этой серии. Что касается

отношения физиологии и психологии в этот период, оно было самым драматичным. Началось наступление на психологию со стороны идеологизированной части философии, естественных наук и внутри самой психологии. Последнее выступало как некое самоедство. Идеиная борьба сказывалась и в организационных преобразованиях. В 1949 г. С. Л. Рубинштейна освободили от заведования сектором. Через некоторое время сектор превратили в секцию сектора философских проблем естествознания. И лишь в 1956 г. он вновь стал самостоятельным, и Сергей Леонидович вернулся к его руководству. В это смутное время я окончила аспирантуру, работала младшим научным сотрудником, ученым секретарем Института и, наконец, старшим научным сотрудником. Пертурбации с психологией и сектором коснулись моих научных интересов. Проблематикой чувственного познания в секторе занимались психофизики. Это меня не привлекало. Я стала анализировать психологические взгляды К. Д. Ушинского. Но совершенно неожиданно, волевым порядком, мне утвердили тему кандидатской диссертации, связанной с учением И. П. Павлова о сигнальных системах. Делать было нечего, я принялась за эту тему и завершила ее. Диссертацию высоко оценили А. Р. Лурия, А. О. Долин, Г. В. Скинпин, В. К. Фаддеева. С работы над ней начался этап моей научно-исследовательской деятельности — разработки философских проблем физиологии высшей нервной деятельности.

Сразу после защиты диссертации я подготовила статью о теории отражения и учении И. П. Павлова о сигнальных системах для журнала «Вопросы философии». Статью набрали, но перед тем, как подписать в печать, решили ее послать на рецензию и послали... Э. А. Асратяну и А. Г. Иванову-Смоленскому. Оба — старейшие ученики И. П. Павлова. Второй — один из двух докладчиков на «павловской» сессии (другой — К. М. Быков). Узнав о рецензентах, я буквально похолодела. Тем не менее надо было срочно получить рецензию. Э. А. Асратян отзыва не прислал, и я сама отправилась за рецензией к А. Г. Иванову-Смоленскому в Президиум АМН СССР (где он тогда был, кажется, вице-президентом). Состоялся обстоятельный разговор, статью мою он одобрил, ее опубликовали. Впоследствии, прочитав рукопись моей книги о сигнальных системах, он написал к ней предисловие, которое было набрано в типографии. Но в последний момент он сказал: «Камни, предназначенные мне, полетят в вас. Я не хочу вам, молодому ученому, портить карьеру». И... отказался подписать это предисловие. После «павловской» сессии А. Г. Иванов-Смоленский считался грозой для физиологов и психологов. Он корил меня за то, что я — ученица Б. Г. Ананьева и работаю у С. Л. Рубинштейна. Одним словом, за то, что я — психолог. Однако это не мешало очень важным для меня научным контактам с ним: он был ведущим специалистом в области исследования сигнальных систем, будучи директором Института высшей нервной деятельности, пригласил меня быть там консультантом-философом методологического семинара. Менялись директора Института (А. Г. Иванов-Смоленский, Л. Г. Воронин, В. С. Русинов, Э. А. Асратян), а я продолжала там бывать, встречаться и работать с очень интересными учеными.

Когда я говорила о сложности ситуации в психологии, я не имела в виду остановку психологической работы. В Институт философии в те годы приняли большую группу аспирантов по психологии, среди которых были Е. А. Будилова, В. А. Кукушкина, Н. С. Мансуров, Е. Н. Соколов, Л. В. Сохань, А. Л. Ярбус и многие другие. Докторанты сектора психологии — В. И. Селиванов, В. С. Филатов, Ш. Н. Чхартишвили.

Научно-исследовательская работа шла по разным направлениям. Интенсивно развивались психофизика, зоопсихология. Большое внимание уделялось анализу современного состояния отечественной и зарубежной психологии, разработке истории и тенденций развития основных ее направлений и решения главных ее проблем. С. Л. Рубинштейн организовал теоретическую и экспериментальную разработку проблем общей психологии — мышления и восприятия. Сам же он выступил как глава теоретической психологии с акцентом на ее методологической

проблематике. Четыре главных направления определили его работу в последние годы — пути и принципы развития психологической науки, состояние и пути развития психологии мышления, проблема бытия и сознания, проблема человека.

Для меня совместная работа с С. Л. Рубинштейном была периодом формирования интересов к философским проблемам психологии. На несколько лет мое внимание сосредоточилось на разработке психологических проблем сознания, хотя в этот период была мода на «сознательную» проблематику. Замысел работы состоял в анализе проблемы сознания в философии и естествознании, а в итоге были высказаны некоторые соображения о решении этой проблемы в психологии. В работе над темой мне помогла солидная философская и естественнонаучная подготовка, полученная в ЛГУ и самостоятельно дополненная в Институте философии.

Касааясь личности С. Л. Рубинштейна, могу сказать, что это был гигант в психологии и философии. Потребуется много лет для того, чтобы осмыслить и использовать его идеи в науке. Как человек он был чрезвычайно многогранен. Я всегда робела перед ним. Он держал дистанцию между собой и другими. Это, однако, не препятствовало его хорошим взаимоотношениям с людьми. Он был постоянно внимателен к сотрудникам, их научным и житейским интересам. До сих пор с волнением вспоминаю, как, будучи в больнице в связи с предстоящей операцией глаза, я получила трогательную телеграмму от Сергея Леонидовича с пожеланием успешной операции, мужества и скорейшего выздоровления. По рассказам других коллег знаю, что Сергей Леонидович многим помогал выстоять, выжить в трудное послевоенное время. Высочайшие уроки гражданственности, мужества, твердости духа, человечности преподавал Сергей Леонидович всем, кто знал его, работал с ним.

— После смерти С. Л. Рубинштейна сектор оказался под угрозой закрытия, вы его отстояли и затем возглавили. Расскажите об этом периоде, о деятельности сектора в дальнейшем. В частности, в мае 1962 г. сектор организовал и провел совещание по философским проблемам высшей нервной деятельности и психологии. На нем был взят своеобразный реванш за «павловскую» сессию. На этот раз павловскому учению была дана объективная оценка, показаны его положительные стороны, отмечены недостатки. Расскажите о подготовке и проведении этого совещания и о его значении.

— Неожиданная безвременная кончина Сергея Леонидовича потрясла психологов. Всего полгода назад ему исполнилось тогда 70 лет. Накануне его кончины, помню, я отвезла ему для редактирования рукопись своей книги о сознании. Мы говорили о перспективах психологии, делах сектора, моих творческих планах... Через день Сергея Леонидовича не стало. Сразу же, без моего ведома, был издан приказ директора Института философии о назначении меня и. о. зав. сектором психологии. Вскоре объявили конкурс на замещение этой должности. В это время о секторе заговорили в полную силу. Назывались разные имена заведующих, кураторов, опекунов. Я не думала о заведовании — мыслимо ли молодому кандидату наук после самого Рубинштейна стать во главе этого подразделения?! Но буквально в последние часы до истечения срока конкурса меня пригласили в дирекцию и предложили подать заявление на конкурс. Я засомневалась было, но мне сказали, что, если я хочу, чтобы сектор сохранился и развивался так, как он задумывался Сергеем Леонидовичем, я не должна отказываться. Аргумент был неотразимый. Заявление подала, выборы состоялись. Начинаясь новый ответственный период моей жизни — руководство сектором психологии.

К этому времени в сектор входили наряду с другими ученики С. Л. Рубинштейна, составлявшие костяк — Л. И. Анцыферова, К. А. Абульханова, Е. А. Будилова, А. В. Брушлинский, Н. С. Мансуров, Ф. А. Сохин. Вскоре к нам пришел К. К. Платонов и были зачислены молодые сотрудники и аспиранты — выпускники МГУ.

Стратегическая линия в развитии сектора — разработка философских проблем

психологии. Мы отстаивали специфическое место психологии в системе наук. Центральной темой по-прежнему была природа психического. Разрабатывалась она в сопоставлении философского, естественнонаучного и психологического подходов. Были продолжены начатые С. Л. Рубинштейном анализ современного состояния западной психологии, истории и тенденции развития отечественной психологической науки, исследование проблем сознания и личности. Индивидуальные монографии и коллективные труды сектора того периода широко известны. Разработкой философских проблем конкретной науки сектор органически вписывался в организационную структуру Института философии. Это было результативное, продуктивно работающее его подразделение.

Выбрана тактическая линия деятельности — объединение научных сил на исследовании глобальных направлений, крупных проблем. Такая тактика осуществлялась разными путями. Объединялись усилия ученых для решения научных проблем при подготовке коллективных трудов, проведении тематических совещаний. Новой и очень важной формой коллективной работы стали всесоюзные конференции по ряду актуальных направлений.

Выдающееся значение для психологической науки имело Всесоюзное совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, состоявшееся в мае 1962 г. Официально оно было организовано АН СССР, АМН СССР, АПН РСФСР и Министерствами высшего и специального среднего образования СССР и РСФСР. Инициатор совещания — С. Л. Рубинштейн. Выдвинул он эту идею вскоре после «павловской» сессии. Для меня совещание кроме громадного общенаучного значения имело еще и глубокий личностный смысл. Для подготовки совещания был создан оргкомитет из 40 ученых-философов, физиологов, психологов во главе с П. Н. Федосеевым, являвшимся в то время директором Института философии. С. Л. Рубинштейн был фактическим главой этого комитета. Он пригласил меня в его состав в качестве ученого секретаря. В оргкомитете среди академиков, членов-корреспондентов, докторов я — единственная женщина, кандидат наук.

С самого начала идея объединения усилий философов, физиологов и психологов на этом совещании встречала неоднозначное отношение: некоторые из ведущих психологов с большим скепсисом относились к его организации. По мере подготовки отношение менялось. Приглашены были докладчики. Основную организационную работу возложили на наш сектор. Со смертью С. Л. Рубинштейна останавливать дело ни в коем случае нельзя было. Попросили возглавить подготовку Х. С. Коштоянца. Приблизительно через полгода не стало и Хачатура Сергеевича. Институт философии проявил тогда завидную настойчивость. По поручению П. Н. Федосеева я связалась с Н. И. Гращенковым, который работал тогда в Женеве по делам ЮНЕСКО и вскоре должен был вернуться в Москву, и попросила его включиться в подготовку совещания. Он дал согласие быть заместителем П. Н. Федосеева. Эти организационные беды мы преодолели.

Уникальность совещания заключалась в том, что впервые вместе собрались философы, физиологи и психологи, чтобы обсуждать общие острейшие проблемы.

С докладами выступили М. Б. Митин, Н. И. Гращенков (вместе с Л. П. Латашем и И. М. Фейгенбергом), Е. В. Шорохова (вместе с В. М. Кагановым), П. С. Купалов, П. К. Анохин, А. Р. Лурия, С. А. Саркисов, Н. А. Бернштейн, Э. А. Асратян, Д. А. Бирюков, А. Н. Леонтьев (вместе с Д. Ю. Пановым), Ф. В. Бассин, Б. М. Теплов. Это были представители разных научных школ и с далеко не одинаковыми взглядами по кардинальным вопросам. Отличалась и подготовка совещания. Текст каждого из 13 докладов обсуждался на заседании оргкомитета. На заседаниях велись острейшие дискуссии по многим проблемам. Заранее тексты докладов были размножены и разосланы участникам предстоящего совещания, так что на самом совещании необходимость делать доклады отпала и ученые выступили лишь с краткими сообщениями и комментариями. Главное состояло в обсуждении проблем, поставленных в докладах.

Минуло 30 лет со времени этого совещания. Опубликована книга, в которой содержались доклады, выступления, постановление. Она называется «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии» (М., 1963). Но все же совещание не было, мне кажется, оценено по достоинству. А значение его огромно. Главное — на нем дали адекватную оценку «павловской» сессии и состоянию физиологии и психологии.

На совещании подчеркивалось значение отечественного естествознания, в частности учения Сеченова, Павлова, Ухтомского, Введенского, как теоретической основы современной физиологии и психологии. Обосновывалось положение о значении их идей для творческого развития современной философии. Указывалось, что «павловская» сессия наряду с положительными моментами — в частности, были отмечены исключительные достижения отечественной физиологии в развитии современного естествознания — имела и отрицательные последствия. Они выразились в догматической оценке ряда школ и направлений, связанных с исследованием деятельности мозга, психики, сознания и поведения человека, в остракизме ученых, придерживающихся таких взглядов, которые отличались от официально признанных. Для психологической науки исключительное значение имело отраженное в постановлении общее мнение о том, что получившее распространение после «павловской» сессии негативное отношение к психологической науке и попытка растворить ее предмет в физиологии высшей нервной деятельности являются методологически порочными и практически вредными.

Восстановлено было право психологии на самостоятельное существование. Определенный вклад в эту победу внес наш сектор. При обсуждении на заседании оргкомитета текста нашего доклада «Философские проблемы психологии» Л. Г. Воронин сказал: «Одного этого доклада достаточно для того, чтобы совещание состоялось и принципиальные вопросы были бы обсуждены». По существу, в этом коллективном докладе, с которым я выступила на совещании, содержалось развитие принципиальных идей С. Л. Рубинштейна о взаимосвязи философии и павловского учения о высшей нервной деятельности, о соотношении физиологического и психического, природе психического, принципе детерминизма и его применении к анализу психических явлений, о проблеме сознания. После совещания продолжался плодотворный диалог крупнейших представителей психологической и физиологической наук. Разговор шел на равных.

Спустя три десятилетия после совещания нельзя не сказать и того, что не только физиологи, но и сами психологи во многом были повинны в пренебрежительном отношении физиологов к психологии, испытывали какое-то чувство вины. Некоторые крупные психологи прямо-таки заискивали перед физиологами, особенно сразу после «павловской» сессии, а на ряде совещаний публично то и дело каялись. Вместе с тем нередко восторженные оценки значения павловского учения для психологии сменялись его отрицанием вообще, что было тоже неверной позицией. Наряду с этим не только совещание, но и «павловская» сессия имели и положительное значение для психологии. Нельзя забывать и того, что после сессии в психологии возникли всемирно известные психологические школы Б. М. Теплова, Е. Н. Соколова, Е. И. Бойко и др.

Говоря о тактике «собирания сил» для решения крупных проблем, упомяну еще об одной линии. Сектору удалось установить творческие контакты практически со всеми ведущими невропатологами и психиатрами. Совместно были организованы два симпозиума: по проблемам сознания и личности. Позже, уже на базе Института психологии, — еще два всесоюзных симпозиума: по соотношению биологического и социального в психике человека и медицине и психологии. Работу невропатологов и психиатров возглавляли В. М. Банщиков и Л. Л. Рохлин. Симпозиумы привлекали внимание широкой научной общественности. Психология выполняла свою связующую функцию. Опубликовано восемь книг трудов симпозиумов, которые давно стали библиографической редкостью.

1962 г. для меня характерен еще одним событием. Через месяц после майского

совещания я защитила докторскую диссертацию. Помню, на самом совещании Б. М. Теплов сказал, что за его организацию мне надо бы присудить докторскую степень. Это было чрезвычайно лестно. Но вскоре предстояла защита в качестве докторской опубликованной книги о сознании. Может быть, не стоило упоминать о деталях, но они были неординарными. Во-первых, по психологии ученые степени не присуждались. Я защищала в Институте философии на философскую степень. Во-вторых, в возрасте сорока лет в то время защищать было не принято: слишком рано. Я дерзнула. Еще большая смелость состояла в том, что я всего третья женщина в Союзе — доктор философских наук. Две первые защищали давно и были гораздо старше меня.

При обсуждении работы снова продемонстрирован комплексный подход. В качестве официальных оппонентов выступали философ академик М. Б. Митин, физиолог член-корр. АН СССР Э. А. Асратян, психолог доктор наук А. Г. Спиркин...

— Для вас наступил следующий этап вашей работы — в организованном в 1971 г. Институте психологии АН СССР, куда вы перешли из Института философии АН СССР совместно с возглавляемым вами сектором психологии. Расскажите об этом периоде: с охотой ли вы расстались с прежним местом, каковы были перспективы новой работы, какие сомнения возникали и как проходила работа под руководством Б. Ф. Ломова?

— Вопрос об организации Института психологии в Академии наук возникал неоднократно. В моем архиве есть копии обращений С. Л. Рубинштейна к руководству Академии наук, вариант предложения президента С. И. Вавилова в правительство об организации Института. Но при жизни Сергея Леонидовича этого не произошло. Позже прорабатывалась в руководящих инстанциях идея организации то Института психологии труда, то Института социальной психологии. Но и это не свершилось. Решение вопроса продвинулось лишь в начале 70-х годов. Была создана большая представительная комиссия, на последнем этапе возглавляемая академиком В. В. Париным, подготовившая необходимые документы. Я участвовала в ее работе — интересной, оразившей и состояние психологической науки, и потребность в ее развитии. Определелись основные направления науки, ее задачи, организационная структура. Как-то совершенно случайно (других действующих лиц разыскать не удалось) меня пригласили в отдел науки ЦК КПСС, показали последний вариант проекта решения Секретариата ЦК об организации Института психологии АН СССР. В тот же день это решение было принято. 16 декабря 1971 г. последовало развернутое Постановление Президиума АН СССР. Так произошло историческое для психологии событие.

При организации Института естественно вставал вопрос о его кадрах. В Академии наук СССР кроме сектора психологии Института философии никаких психологических подразделений не существовало. Обсуждался вопрос о судьбе этого подразделения. Были два варианта — перевести целиком сектор в новый Институт; параллельно развивать психологию и в философском Институте. Мнение руководства этого Института менялось. Сначала его директор П. В. Копнин не хотел выделения сектора, говоря, что он нам нужен в Институте философии. Затем, после неоднократных обсуждений в Академии, он дал согласие на переход сектора в новый Институт. Как я относилась к этим вариантам? Жить и работать в Институте философии было хорошо: сектор занимал устойчивое положение, его работа высоко оценивалась. Но вместе с тем организация Института психологии была заветной мечтой Сергея Леонидовича; возможно, это, а также сложившиеся обстоятельства предопределили мой переход в новый Институт.

Директором созданного Института был назначен Б. Ф. Ломов. Мы были знакомы с ним еще со студенчества в Ленинграде, затем контакты продолжались в Москве, в том числе в период нашей работы в руководстве Общества психологов. При организации Института до меня доходила информация об острой борьбе за пост заместителя директора. В ней я совершенно не принимала никакого участия.

Борис Федорович сделал выбор сам. Он пригласил меня прийти в выделенное для Института помещение бывшего детского садика на улице Вавилова. Большая пустая комната, колченогий стол, две табуретки, телефонный аппарат на подоконнике — вот и все. Это был офис Бориса Федоровича. Он предложил мне стать его заместителем (В. Д. Небылицын стал заместителем директора чуть раньше). Я согласилась.

Вместе со мной почти в полном составе в Институт перешел сектор философских проблем психологии. Мы сразу же принялись за дело — перестраивали детский садик в помещение академического института, завершали начатые ранее работы и разворачивали новые направления.

По решению Президиума АН СССР Институт формировался как комплексное научно-исследовательское учреждение. В его задачу входила разработка методологических и теоретических проблем психологии, исследование материальных основ психических процессов, изучение фундаментальных проблем общей психологии, разработка психологии личности, исследование проблем социальной психологии. Тем же решением на Институт возлагалась координационная функция как головного психологического учреждения в стране.

Был сформирован Ученый совет Института, в состав которого вошли ведущие ученые Москвы, не только сотрудники ИП АН. На первом его заседании, обсуждая многие варианты научно-исследовательского плана, мы столкнулись с многотемностью и разнообразием предложенной проблематики. Наряду с другими членами совета я предложила упорядочить эту проблематику, выделить ряд основных общепсихологических направлений и вокруг них сконцентрировать весь научный потенциал. Помню, В. Д. Небылицын тогда сказал: «Ты предложила такой порядок планирования и доводи дело с планом до конца». Пришлось работать всем вместе. И такой план был составлен. Он определял текущую работу и перспективу Института.

Руководить секторами и лабораториями стали видные специалисты. По первоначальному замыслу директор и его заместители по научной работе курировали научные направления работ, возглавляли лаборатории. Кроме того, были распределены научно-организационные функции. Мне было поручено заниматься издательской деятельностью, международными связями и подготовкой аспирантов. В области научной я руководила лабораторией философских проблем, затем — социальной психологии. Расскажу, как стала социальным психологом.

В конце 50-х годов после долгого перерыва вновь возродилась в нашей стране социальная психология. В секторе психологии Института философии малыми силами (1—2 человека) начались исследования в этой области. Неожиданно перед II Всесоюзным психологическим съездом (Ленинград, 1963) тогдашний президент Общества психологов А. А. Смирнов предложил мне выступить на съезде с пленарным докладом по проблемам социальной психологии. Понимая (хотя и отказываясь на первых порах), что доклад такой нужен (на I съезде в 1959 г. ничего по социальной психологии не было), я предложила сделать его совместно с Н. С. Мансуровым и К. К. Платоновым. Подготовили тезисы, которые затем тщательно обсудили с А. А. Смирновым и А. Н. Леонтьевым, и доклад был принят. На съезде с ним выступила я. Там же мне пришлось руководить первым симпозиумом по социальной психологии.

Внутренне я была готова заниматься этим, вероятно, потому, что, работая над проблемами сознания, близко соприкоснулась с общественно-исторической проблематикой психологии. Рассматривался вопрос о соотношении общественной психологии и идеологии. Занятия философскими проблемами психологии также были близки этой области знания.

В Институте психологии разработка социально-психологического направления предусматривалась с самого начала. В 1973 г. при реструктурировании Института выделился сектор социальной психологии. В 1975 г. вышел первый значительный коллективный труд «Методологические проблемы социальной психологии», который социальные психологи нарекли по цвету обложки «сине-белой книгой».

В ней помещены материалы по фундаментальным проблемам социальной психологии, авторами выступили ведущие ученые страны. Этой и другими подобными публикациями я старалась объединить лучшие творческие силы, чтобы успешнее решать различные проблемы.

Внутри Института интегрирующая работа также была крайне важна, тем более что проблематика отличалась широтой и многоплановостью. Несколько новых форм организации было найдено. Расскажу о двух.

Так, в Институте вскоре после развертывания деятельности заработал общеинститутский семинар. Он собирался еженедельно и привлекал большое количество людей как из Института, так и из других учреждений. Докладчики — все ведущие специалисты: руководители подразделений Института, внеинститутские ученые. Это были интересные встречи, длившиеся целый день. До сих пор помню ярчайший доклад П. К. Анохина, с которым он выступил за несколько дней до своей кончины. Незабываемо и выступление А. Р. Лурии об историческом развитии психических процессов. А. И. Горячева ошеломила всех острой постановкой вопроса о националистических тенденциях в некоторых республиках, призвав к необходимости психологического исследования этнических проблем. И это было в те «благополучные» в национальном отношении времена...

Впервые организовали профессорско-аспирантский семинар по психологии общения, в который входили 6—7 аспирантов и их руководители Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин и я. Доклады аспирантов и обсуждения были интересны всем присутствующим. В результате эта проблема стала одной из ведущих в Институте.

Какое психологическое самочувствие было у меня в те и последующие годы? Каждое новое дело интересно. Организация Института, его развитие и есть именно такое дело. Очень многое зависит от руководителя. У Бориса Федоровича Ломова были широкие научные взгляды, стратегическое видение развития науки, масштабность как организатора науки, доброжелательное отношение к людям, позволявшее всем проявлять инициативу. Как руководитель я это чувствовала на себе.

— Какие психологи, на ваш взгляд, внесли наибольший вклад в развитие психологической науки? Какие события в отечественной психологии вы считаете наиболее значимыми?

— В развитие общей теории отечественной психологии наибольший вклад внесли Б. Г. Ананьев, В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, К. Н. Корнилов, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов, Д. Н. Узнадзе, Г. И. Челпанов. Лидерами в разработке отдельных направлений и решении крупных проблем были В. А. Вагнер, П. Я. Гальперин, С. Г. Геллерштейн, А. В. Запорожец, Б. В. Зейгарник, П. И. Зинченко, С. В. Кравков, Н. Н. Ладыгина-Котс, А. Ф. Лазурский, Н. Н. Ланге, М. А. Мазмания, Н. А. Менчинская, А. С. Прангишвили, Д. Б. Эльконин, Д. Г. Элькин.

В отечественной психологии происходило немало выдающихся событий. Главные из них, на мой взгляд, следующие. Открытие более 100 лет назад (в 1885 г.) В. М. Бехтеревым в Казани первой экспериментальной психологической лаборатории. С этого начинается собственно конституированная история психологии в России. По линии организации научно-исследовательской деятельности — создание Психоневрологического института в Петрограде, там же — Института мозга, организация Института психологии в 1912 г. Г. И. Челпановым в Москве, институтов психологии в Тбилиси и Киеве, создание Академии педагогических наук РСФСР, в составе которой кроме Института общей и педагогической психологии (ранее — Институт психологии) образовались институты с психологической направленностью: дошкольного воспитания, дефектологии — в Москве; детей и взрослых — в Ленинграде. Наконец, 20 лет назад организован первый в системе Академии наук СССР наш нынешний Институт психологии. Эти учреждения стали основными опорными пунктами формирования научных школ.

Организация отделений по психологии в ЛГУ и МГУ в 1943—1944 гг. также открывала хорошие перспективы для развития психологии. Впоследствии, в 1966 г.

в этих университетах были открыты психологические факультеты. Крупное событие — введение преподавания психологии в средней школе.

Большую роль в формировании психологии как самостоятельной науки сыграло Постановление о присуждении кандидатских и докторских ученых степеней, присвоении доцентских и профессорских званий по психологическим наукам.

Многие годы отечественная психологическая наука была лишена своих печатных органов. Отныне стали выходить специальные периодические издания «Вопросы психологии» (1955) и «Психологический журнал» (1980).

Крупнейшее событие в развитии психологической науки — организация в 1957 г. Общества психологов СССР. Каждый из семи его съездов подводил итоги, намечал перспективы, координировал деятельность психологов.

Важнейшее событие мирового значения — проведенный в 1966 г. в Москве XVIII Международный психологический конгресс, хорошо организованный, представительный.

Хотелось бы отметить в этом плане дискуссии по психологии в 20—30-х годах, а также в 50-х и 60-х — на психологических съездах, совещаниях, «павловской» сессии, Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Острые обсуждения проходили на страницах печати. Рассматривались пути развития психологической науки, ее отношения с другими науками и т. п.

— Вы занимались многими проблемами (перечислите их). Что вы считаете самым интересным из того, что делали в плане исследований?

— Действительно, в психологии я оказалась «многостаночником», занималась большим количеством проблем. Это — философские проблемы физиологии высшей нервной деятельности, методологические и теоретические проблемы психологии, учение Павлова о сигнальных системах, проблема сознания, теоретические проблемы психологии личности, методология социальной психологии, социальная психология личности, психология больших социальных групп; история, современное состояние и тенденции развития психологии, в особенности социальной психологии. Из более конкретных проблем исследовала психологические механизмы регуляции социального поведения, проблемы социально-психологического климата, социалистического соревнования, психологии совместной деятельности, социальную психологию общения. Коротко остановлюсь на некоторых результатах последних лет работы.

В области методологии социальной психологии в период интенсивного ее развития после значительного перерыва важны рефлексия происходящего, оценка исторических периодов, этапов развития, выделение современных проблем, прогноз движения. Анализ современного состояния показал, что отечественная социальная психология имеет специфические особенности. Основные ее тенденции — методологическая направленность, системный характер, личностная ориентированность, диалектический процесс интеграции и дифференциации социально-психологического знания. Специфичны объекты социально-психологического исследования (психология коллективов, межгрупповых отношений и др.). Глобальной тенденцией социальной психологии выступает ее практическая ориентация.

Важное место в социальной психологии занимают методологические принципы — они разных уровней. Ряд общих принципов научного мировоззрения имеет особое значение для социальной психологии. К ним относятся принципы гуманизма, общественного развития, единства теории и практики, составляющие первую группу. Во вторую входят принципы общей психологии, используемые в социальной психологии, — детерминизма, отражения, единства сознания, личности и деятельности, развития. В третью — общенаучные и общепсихологические подходы: комплексный, системный, личностный. В процессе становления выявляется четвертая группа принципов социальной психологии, специфика которой заключается в том, что выделенные и достаточно проанализированные объекты исследования превращаются в инструмент методологического анализа социально-психологических явлений, определяют пути и методические средства иссле-

дований. Происходит превращение ряда категорий в методологические принципы. К ним относятся ныне деятельность, общение, образ жизни, общественные отношения. Логика научного исследования и научно-организационные потребности создали необходимость анализа основных составляющих современного развития социальной психологии. Были выделены теоретический, эмпирический, практический и организационный потенциалы ее развития. Важным представляется и факт публичности этого анализа: он содержался в пленарном докладе на I Всесоюзном симпозиуме «Актуальные проблемы социальной психологии» (Кострома, 1986 г.). Были сформулированы некоторые соображения о стратегии развития социальной психологии в нашей стране.

Субъективно важным для себя считаю исследования в области социальной психологии личности. Я много занималась теоретическими проблемами личности, изучала тенденции их развития в отечественной науке. Существенным дополнением к общепсихологическим работам явились социально-психологические исследования. В результате сформировался социально-психологический подход. Он сопоставлялся с общепсихологическим и социологическим подходами к личности. Вместе с М. И. Бобневой в течение ряда лет мы руководили работами по новому направлению — «социальная психология личности».

В формировании личности были выделены два пути — субъективный и объективный. В современных условиях общественного развития возрастает роль субъективного фактора в развитии личности, смещаются акценты с общественной детерминации на индивидуальную. Гармоничность личности представляет собой сложное образование. Выделяются различные ее уровни, отражающие сложнейшие взаимодействия внешних и внутренних факторов, соотношения разных внутриличностных структур. В условиях современного социально-экономического развития возрастает значение социально-психологических качеств личности. Общие идеи о социальной психологии личности применялись в анализе общественно-политической активности человека и некоторых аспектов личности профессионала.

По вопросам психологии личности мне пришлось неоднократно выступать на крупных собраниях. Наиболее важные из этих выступлений — пленарные доклады на V и VI (в соавторстве с А. А. Бодалевым) Всесоюзных психологических съездах, на пленуме Центрального совета Общества психологов.

— Как в целом оцениваете свою научную и административную деятельность, довольны ли ею, не жалеете ли о сложившейся профессиональной судьбе? Кто ваши ученики и последователи?

— Прожита нелегкая жизнь. Пережила коллективизацию в деревне, не одну голодовку, страшную войну, гибель на фронте отца, потерю очень дорогих мне людей, тяжелые болезни, материальные лишения и другие невзгоды. Все это вынести помогла только работа — желанная, любимая. Судьба в целом была благосклонна ко мне (может быть, в силу моей неприхотливости к различным жизненным неудобствам). Если бы начинать все сначала, я сместила бы акцент на научно-исследовательскую деятельность. Мне пока не удалось реализовать все замыслы: завершить изучение проблемы потребностей в психологии, психологических воззрений К. Д. Ушинского, провести анализ психологии больших социальных групп.

Мне повезло на талантливых учеников. Среди них были А. А. Брудный (ныне член-корр. АН Кыргызстана), Г. С. Тарасов (ныне доктор наук). Многие из учеников работают или работали в ИП РАН — И. И. Чеснокова, В. Г. Асеев, Н. В. Кучевская, В. А. Кольцова, С. С. Папавян, А. А. Кроник, Е. В. Журавлева. Другие трудятся в других учреждениях, городах и странах — В. П. Чекурин, В. В. Рубцов, Е. В. Таранов, В. С. Сафонов, Е. А. Родионова, Е. В. Цуканова, До Лонг, С. Н. Пустовалов, И. Р. Сушков, Т. Е. Аргентова, Л. И. Бамбурова, В. Е. Резников.

— Вы были президентом Общества психологов СССР. Расскажите о роли Общества того периода в развитии психологической науки. Как вы оцениваете деятельность Общества в нынешнем его качестве? Что могли бы сказать о

сегодняшнем состоянии психологической науки, что ей необходимо сделать для повышения ее статуса в современных условиях?

— С Обществом психологов СССР меня связывали долгие годы работы. На II—V съездах я избиралась его вице-президентом (президентами были А. Н. Леонтьев и Б. Ф. Ломов), между VI и VII съездами президентом была я.

Работа Общества была существенным звеном в развитии психологии в стране. Съезды были продуктивными, интересными. Межсъездовская работа Центрального совета, Президиума, отделений Общества вызывала живой отклик всего психологического сообщества. В истории Общества отражается почти сороколетняя история психологии. Общество стало полноправным членом международных психологических организаций (Международного союза научной психологии, Союза прикладной психологии и др.). После XVIII Международного психологического конгресса (Москва, 1966) расширилось число ученых из нашей страны, принимающих участие в работе международных психологических конгрессов. Представители Союза стали постоянно избираться в руководящие органы международных психологических организаций. К нашим национальным съездам издавалось большое количество материалов (к последнему, VII, опубликовано 14 томов тезисов докладов). Общество выполняло важную функцию коллективного организатора. Работа была чрезвычайно полезной. Последний съезд в организационной его части показал, что удержать Общество в прежних рамках не удастся. Нужно искать новые пути.

Как обстоят дела в Обществе сейчас? Я не располагаю информацией.

О состоянии психологической науки в современных условиях. Развернутая оценка этого состояния содержалась в моем президентском докладе на пленарном заседании VII съезда Общества психологов СССР (Москва, 1989). За последние годы в психологической науке революционных преобразований не происходило. Процесс ее развития продолжается. Он имеет свои положительные и отрицательные стороны. Общественно-историческая ситуация в стране меняется быстро. Новые социальные явления возникают и исчезают, не успев попасть в поле зрения науки. Общественные требования практической отдачи — как можно скорее — приводят к переориентации с разработки фундаментальных проблем на прикладные отрасли. Демполитизация и деидеологизация общественных наук оказывает благотворное влияние на развитие психологии. Открываются широкие возможности свободы научного творчества. Психология в настоящее время находится в интенсивном поиске своего дальнейшего развития. Предпосылки для успеха в этом существуют. Сохраняется связь времен. Потребность в познании возникновения, развития психических феноменов и роли психологии в жизни людей и общества в целом возрастает. Чтобы удовлетворить ее, психология должна стать главной наукой жизни. Цель психологии — создать научное обеспечение прогрессивного социального развития общества и достойного индивидуального развития человека. Возможности для достижения этой цели у психологии есть. Это — ее методологический, теоретический, эмпирический, практический и организационный потенциалы. Кадры в психологической науке квалифицированные, они могут решить все.

— Какую роль сыграл и будет играть марксизм в развитии психологической науки?

— Марксизм в психологии выполнил функцию методологической основы. В 20—30-е годы XX в. вопрос об отношении психологии и марксизма был центральным в дискуссиях о судьбах отечественной психологии. Она искала свой путь. Марксизм подсказывал ей этот путь. Становление психологической науки было связано с освоением марксизма. Главные методологические принципы психологии сформулированы на основе трудов К. Маркса — принципы детерминизма, единства сознания и деятельности, системный подход, принцип общественных отношений, личностный подход и др. В разработке конкретных вопросов

использовались марксистские положения. Связь отечественной психологии с марксизмом является сильной ее стороной.

Отречься от марксизма в нашей психологии — значит, перечеркнуть ее историю. По своему объекту психология вместе с другими общественными науками тесно смыкается с философией марксизма. Следует иметь в виду, что не только психологи в нашей стране обращали внимание на идеи Маркса и разрабатывали их. Широко известны работы французских (Л. Сэв и др.), американских (Э. Фромм) и других психологов. В мировой психологической литературе отношение к марксизму серьезное.

В нашей стране в последнее время усилилось критическое отношение к марксизму. Это отражает общую настроенность на деидеологизацию науки. В целом настрой правильный, но в частностях происходит перекосяк. Он является ситуативным. Мне представляется, что значение марксизма для психологии до конца не исчерпано. Поиск лишь ошибок и неточностей в нем непродуктивен. Часто это происходит из-за недостаточно глубокого знания марксизма и тех издержек его интерпретации, которые содержатся в трудах более поздних марксистов. Тема «Психология и марксизм» ждет своих исследователей. Еще более конъюнктурным является отношение к ленинскому наследию. Происходит прямой перенос оценок политической деятельности В. И. Ленина на его философские, социологические работы, многие положения из которых положительно оценивались психологами и использовались ими. Но это тоже неисторично и ненаучно.

— Вы были секретарем партийной организации Института философии АН СССР. Расскажите, какие проблемы возникали на этом поприще, как вы их решали и какие навыки, на ваш взгляд, вы приобрели, выполняя эти функции? Остались ли вы членом компартии и намерены ли в дальнейшем придерживаться социалистической ориентации?

— Несколько лет и в разное время я избиралась секретарем партийной организации Института философии. В таком идеологическом учреждении это была высокая и ответственная общественная работа. Я дорожила доверием авторитетного коллектива. Работать было сложно, но интересно — разные сотрудники и руководители, сложнейшие ситуации. Надо было содействовать нормальному климату, творческой атмосфере. Трудно судить самому, как это получалось, но, по отзывам коллег, секретарское партийное дело я делала неплохо. Помню, высоко его оценивал П. В. Копнин, бывший директором Института философии в последние годы моего партийного секретарства.

Трудный вопрос вы поставили об отношении к нынешней партийной ситуации. В этом году исполнилось 40 лет, как я вступила в партию. О нашем поколении говорят, что мы «Октябрем рожденные». Этот социальный факт не прошел бесследно для нас. Я поздно и вполне осознанно вступила в партию, не искала никаких выгод и льгот и за 40 лет их не имела. Значит, в основе этого поступка и всей линии поведения на протяжении долгих лет были убеждения. Их изменить в одночасье невозможно. Это тоже мое убеждение. Смена на 180° своих партийных позиций, как это произошло даже с рядом руководящих деятелей партии, мне представляется беспринципным актом. Бичевать себя за свое партийное прошлое мне не за что. Роспуск партии таким недемократическим путем прекратил членство в ней. История расставит все по своим местам.

— Сейчас вы являетесь главным научным сотрудником Института психологии РАН. В чем состоят ваши новые функции, каковы планы на будущее?

— Имею теперь возможность, освободившись от большинства организационных обязанностей, больше уделить внимания науке. Изменение статуса скорее коснулось формы, а не содержания деятельности. Продолжаю возглавлять научные направления. В этой должности руководила исследованием психологических проблем общественного сознания. Авторский коллектив подготовил рукопись по этой проблематике. В качестве обязанностей главного научного сотрудника продолжает оставаться работа по подготовке научных кадров — руковожу аспирантами, являюсь председателем Ученого совета по защите кандидатских диссертаций и

заместителем председателя по защите докторских. Готовлю разные оперативные материалы, участвую в экспертизе выполненных в Институте и других учреждениях работ. Могу с полной определенностью сказать, что работать главным научным сотрудником намного интереснее, чем на всех начальственных постах.

А теперь о планах на будущее. Задумана работа по истории отечественной социальной психологии. В какой-то степени считаю себя ответственной за долг социальных психологов перед историей психологии. В свое время в Институте психологии планировалась и в значительной степени выполнена серия работ по истории социальной психологии в мире: подготовлены книги по социальной психологии в США, Западной Европе, социально-психологическим проблемам в русской науке, по социальной психологии в социалистических странах. Осталась незавершенной работа по истории отечественной социальной психологии XX в.

— От чего хотели бы предостеречь молодых психологов, что бы им пожелали?

— Прежде всего следует предостеречь от легковесного отношения к жизни, к своей профессии. Психологическая профессия — одна из труднейших. Первое правило, которому надо следовать, имея дело с человеком, — это, как в медицине, не навредить. Учиться всю жизнь понимать человека, встать на его позицию, научиться слушать его, опираться постоянно на лучшие, сильные качества и тем самым помогать решать человеческие проблемы. Важно сейчас, в наше бурное, трудное время, не поддаваться соблазну спекулировать на психологии, моде на нее, не превратить ее из цели жизни в средство для достижения других целей. Не порывая с традициями, находиться в постоянном поиске. Бескорыстный поиск истины, как свидетельствует история, тоже немало стоит. А в общем пожелала бы молодежи взять на себя ответственность за судьбы психологической науки, за ее прогресс и соответствовать высокому званию психолога.

Беседу провел В. И. Артамонов (март — апрель 1992 г.)

Сокровища духовного опыта

«У смирения есть особое свойство — повышать духовную ценность человека». Эти слова принадлежат профессору Ивану Александровичу Ильину (1883—1954), известному русскому мыслителю и религиозному философу. И. А. Ильин родился в Москве, но в силу внешних обстоятельств его жизненный путь делится на три периода: московский, берлинский и цюрихский. Работы Ильина в области истории философии, этики и религии в дореволюционной России были широко известны. В сочинениях «Понятия права и силы» (1910), «О любезности. Социально-психологический опыт» (1912), «Учение Гегеля о реальности и всеобщности мысли» (1914) он пытался преодолеть формально-методологический подход и «сделать то, что труднее и важнее: дать синтетически строящее раскрытие» [2].

В 1918 г. состоялась публичная защита магистерской диссертации И. А. Ильина на юридическом факультете Московского университета. Официальными оппонентами выступали проф. П. И. Новгородцев и проф. князь Е. Н. Трубецкой. И. А. Ильину за труд «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том I. Учение о Боге» единогласно были присуждены степени магистра и доктора государственных наук.

И. А. Ильин был убежденным и деятельным противником большевизма. Советская власть неоднократно подвергала его арестам, а в 1922 г. присудила к «пожизненному изгнанию».

С 1923 по 1934 г. И. А. Ильин состоял профессором при Русском научном институте в Берлине, где читал ряд курсов на русском и немецком языках: история этических учений, система этики, логики, религиозная идея восточного православия, сущность и судьба коммунизма, основы советского государства и др.

В 1925 г. И. А. Ильин написал книгу «О сопротивлении злу силою» [3]. Поводом послужили грозные и судьбоносные события, обрушившиеся на Россию и опрокинувшие «все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции». Задача автора — вскрыть эти ложные основы и противопоставить им возрожденную религиозную и государственную мудрость и силу «восточного Православия и, особенно, русского Православия» [3, с. 5].

Вопреки толстовскому пониманию смирения Ильин в своей работе открыто вступает с ним в полемику: «Я искал не только опровержения Толстовства, но и доказательства того, что к любви — меченосец способен *не меньше*, а больше непротивленца...». Цель исследования Ильин видел в том, чтобы «попытаться найти верный исход и разрешение вопроса... восстановить древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе ... Сопроводяйся всегда любовью: а) самосовершенствованием, б) духовным воспитанием других, в) мечом (там же, с....).

И. А. Ильин очень рано распознал истинное лицо национал-социализма и отказался признать партийную программу этого режима. После прихода к власти Гитлера он был удален из Русского научного института, ему грозили арест и заключение в концлагерь.